

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-3-404-413

УДК 821.16.1

Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма

В.А. Мескин, Л.В. Гайдаш

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

В статье дан развернутый анализ формально-содержательных компонентов романа Мариам Петросян «Дом, в котором...», вызвавшего после публикации в 2009 году чрезвычайно разнонаправленную критику. Большое внимание в статье уделяется художественному своеобразию романа, обосновывается его принадлежность к ряду произведений, написанных методом магического реализма. Приводится обзор работ, посвященных теоретическим аспектам самого метода магического реализма. Статья строится на сопоставлении «странной», по мнению исследователей, поэтики писательницы с особенностями названного метода со спецификой «магического языка», учитываются критические отзывы о романе. Рассмотрение своеобразия сюжета, композиции, конфликта, представленных характеров позволяет отнести творчество М. Петросян к указанной литературной традиции.

Ключевые слова: Мариам Петросян; Дом, в котором...; теория литературы; мистический реализм; магический реализм; образ; миф; поэтика

Введение

В истории литературы всегда появлялись и появляются произведения, своеобразная манера написания которых побуждает к спорам – было что-то такое в истории словесности или не было, – вызывает искушение как-то обособить новинки, поставить их на отдельную полку. К таким произведениям относится роман армянской писательницы, пишущей на русском языке, Мариам Сергеевны Петросян «Дом, в котором...» (2009). Это странное произведение, написанное автором «для себя», после поистине случайной публикации привлекло повышенное внимание читателей и, что вполне ожидаемо, предельно разнонаправленную критику. «Дом...» называют «одним из главных русских романов нулевых» [2], «странным сном, увиденным книжной девочкой, кото-

© Мескин В.А., Гайдаш Л.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

рая прочитала много фэнтези и ознакомилась с книгой Гальего» [3], «итоговым текстом десятилетия» [4. С. 1] и т.д. Определить метод написания, типологические корни «Дома...» в изящной словесности непросто. Непросто, но, думается, возможно. Внимательное рассмотрение этого сочинения позволяет отнести его к литературе магического реализма. Чтобы доказать это, придется обратиться к вопросам теории.

Обсуждение

Обобщение известных работ о магическом реализме (1) выявляет следующее: термин «магический реализм» появился в 1923 году у немецкого искусствоведа Франца Ро в статье «К проблеме интерпретации Карла Хайндера. Замечания о постэкспрессионизме». В ней Ро подчеркивает сходство творческой манеры Хайндера с характерными особенностями немецкой и европейской живописи 1920-х годов, которую он обозначает понятием «постэкспрессионизм», подчеркивая таким образом связь с экспрессионизмом. И тут же он вводит эквивалентное понятие «магический реализм», которое, по его мнению, точнее отражает манеру письма художника. Далее какое-то время термин «магический реализм» употреблялся именно в контексте рассуждений об изобразительном искусстве: в начале 1920-х годов он был широко распространен в Германии как эквивалентная замена термину «постэкспрессионизм» в сфере живописи.

В литературу понятие «магический реализм» проникло в 1926 году, благодаря итальянскому литератору Массимо Бонтемпелли, который был издателем франкоязычного литературного журнала под названием «900» (на итальянском произносится как «Новеченто»). У Бонтемпелли было несколько попыток подобрать подходящее определение для своего творчества. Сначала он остановился на понятии «мистический реализм», которое не прижилось, уступив, в конце концов, место au réalisme magique, то есть магическому реализму (2). Это понятие у него противопоставлялось, с одной стороны, «вымыслам» романтиков девятнадцатого века, с другой стороны – минорным настроениям реалистов, «слишком одноплановых», по мнению Бонтемпелли, высказанном в статье 1964 года с одноименным названием «Realismo Magico». (3). Но и фантазия ради фантазии была для него неприемлема, поскольку исключала обращение к объективной действительности, а в произведениях магического реализма сочетается поэтика, скажем так, и мистико-магическая, и реалистическая.

В определенном смысле словосочетание «магический реализм» – оксюморон: обращение к реализму, иначе говоря, к явному, как бы исключает все вымышленное, сверхъестественное. Но в этом заключаются парадокс и своеобразие означенного метода: художник апеллирует к реальной истории, тесно сплетая ее с собственным мифотворчеством, проще говоря, с вымыслом. Художественный мир магического реализма не сказочен и не фантастичен в общепринятом смысле. Это, как правило, мир повседневно-бытовой, но в то же время наполненный таинственными и загадочными явлениями, причем их природа

и в финале произведений не проясняется. Это существенно. Как справедливо утверждает Н.В. Красовская, «реалистичность магического реализма заключается в том, что в центре внимания автора всегда находится некоторое общество в определенной фазе своего развития (в текстах приводятся даты, как реальные, так и вымышленные, описываются имевшие место и исторически значимые, а также выдуманные события). Магичность магического реализма – это результат включения в тексты элементов фантастического, сказочного, а также фольклорного» [5. С. 26–28].

В 1927 году испанский философ и искусствовед Х. Ортега-и-Гассет публикует частичный перевод книги Ф. Ро, озаглавив его «Магический реализм». По мнению А.А. Гугнина, именно с этой публикации начинается «длинная и запутанная история магического реализма в латиноамериканской литературе, продолжающаяся и по сегодняшний день». Далее ученый справедливо отмечает, что «магический реализм стал для латиноамериканцев своеобразным “плавильным котлом”, куда они “сбрасывали” все, что их привлекало в литературах Западной Европы, и из этого немыслимого по историко-литературным меркам сплава они “выковывали” затем свои бессмертные шедевры, обеспечившие уже с 1930-х годов художественный взлет, а затем и необычайную популярность этих литератур» [6. С. 29]. Чаще всего источником магического реализма считают не всю яркую, исторически восходящую к цивилизациям инков и майя, действительность Латинской Америки, а лишь ее конкретную часть – известный мифолого-фольклорный субстрат континента [7. С. 331].

Магический реализм как самостоятельное направление литературы второй половины XX века способствовал обновлению латиноамериканской прозы, прежде всего романа. По сложившемуся в литературоведении мнению, он представлен следующим рядом писателей: Перу – Х.М. Аргедас; Парагвай – А. Роа Бастос; Мексика – Хуан Рульфо и Карлос Фуэнтес; и, наконец, в Колумбии, без преувеличения, – великий Г. Гарсиа Маркес, автор всемирно известного романа «Сто лет одиночества» (1967).

При всем уважении к названным художникам слова, думается, будет ошибочным утверждение, что магический реализм – это чисто латиноамериканское явление, совершенно не проявлявшееся на других континентах, ни в Восточной, ни в Западной Европе. Может быть, не так ярко, но проявлялось. Это явление, по-видимому, допускает различные характеристики, например и как соединение реалистического повествования с мифом, национальным или авторским. И в этом смысле можно указать на проникновения национальных или, что еще интереснее и показательнее, авторских мифов в реалистическое повествование российских прозаиков второй половины XX века, например, В. Орлова, В. Маканина, но прежде всего – Ч. Айтматова, А. Кима.

Западными литературоведами имя именно последнего автора из названных косвенно связывалось с магическим реализмом вскоре после выхода его нашумевшего романа «Белка» [8; 9]. С тем обстоятельством, что «косвенно», можно поспорить. В российском литературоведении мысль об отнесении «Белки» к магическому реализму сложилось относительно недавно. В советское

время его магические черты обозначили припиской «роман-сказка» к основному названию. В годы давления соцреализма приписка была продиктована политико-цензурными соображениями: сказка не будет воспринята как серьезное творчество. Очевидно, автор согласился на нее, чтобы роман был опубликован.

В формате письма романа «Белка» присутствует значительный набор черт, присущих именно магическому реализму: многомерность пространства и времени, «лоскутность» повествования, нарочитость переходов из прошлого в будущее и обратно, обыденность оборотничества. Вспомним «Сто лет одиночества»... «Человеческие миры, – рассуждает А. Ким, – это не только наличная реальность, но и реальность более глубокая – реальность человеческого воображения, веры, находящая отражение в культуре, искусстве, мифологии. Поэтому в моих произведениях не только люди, но и великаны, карлики, разные мифические существа» [10. С. 163]. Художнику с таким миропониманием естественно обращаться к магическому реализму.

Опираясь на известные теоретические работы о магическом реализме как об особом творческом методе, прежде всего на публикации А. Гугнина, можно сформулировать ряд характерных признаков, выделяющих произведения написанных этим методом из ряда родственных им произведений:

- отказ от классического подхода к показу типического героя в типических обстоятельствах;
- мифологизация сознания персонажей с толикой возвращения их к первобытному сознанию и соответствующему этому сознанию миропониманию;
- изолированность от большого мира, создаваемого автором художественного пространства, в котором жизнь, поведение представленных персонажей регламентируется строгими, вытекающими из сокрытой логики законами;
- игра со временем. Здесь время не подчиняется закону однонаправленного течения и воспринимается как модус относительный, субъективный;
- игра с пространством. Обязательность двуплановости, в некоторых случаях многоплановости текста, взаимопроникновение высшей и низшей, сакральной и профанной реальностей. Наполнение повествования деталями, намеками, разрушающими изнутри очевидное явное и обнажающими неявное, сущностное нечто, как правило, пугающее своей алогичностью;
- недоговоренность, недосказанность, открытый финал.

Произведение магического реализма представляет собой развернутую метафору человеческого быта, это повествование, претендующее на обращение не к истории, а к бытию. Именно такой метафорой видится роман «Дом, в котором...» – предельно объемное многосюжетное повествование, можно сказать, без начала и конца. Это внешне бесстрастный сказ об огромном мрачном доме, неизвестно кем и зачем построенном, населенном подростками-инвалидами, причем инвалидность некоторых лишь подразумевается, подростков с туманным прошлым и с еще более туманным будущим.

Известно, изначально Петросян не планировала написание книги. По ее словам, «самый первый [вариант], совсем не похожий на этот, был написан в конце восьмидесятых. Я начала писать о Доме, когда была ровесницей

его героев. А рисовала их раньше, чем начала о них писать. Так что замысел и герои намного старше, чем сама книга» [11]. Автор вспоминает, что конечный вариант романа собирался из множества частей, что-то дописывалось уже позже, для связки их между собой и логического завершения повествования. Впрочем, о логике здесь можно говорить очень условно.

Возможно, прерывистость творческого процесса наложила свой отпечаток на необычную структуру романа. Как верно заметил Д. Быков, «композиционное решение этой книги так же неочевидно, как архитектура Дома, древнего, облупившегося, но все еще мощного, преобразующего в своем поле любого, кто туда войдет. Здесь много лишнего, но бывают ли в таком доме лишние помещения?» [3].

Мысль о композиции этого сочинения с необходимостью выходит к мысли о строении самого Дома, стоящего на отшибе, многократно, неизвестно кем и явно без плана достраиваемого, перестраиваемого. Вольно или невольно Петросян создает образ, имеющий черно-белую душу. Дом возвышается, как собранный из разных кусков монстр Франкенштейна. Избранный автором нарратив адекватен композиции: описания настоящего перемежаются с описаниями прошлого, так же меняются субъекты повествования. Сюжет словно блуждает по бесконечным коридорам Дома, и читатель заглядывает то в ту, то в другую комнату, в неприметные и непременно темные закутки старого таинственного здания.

Очевидно, продуманно завершенной структуры у романа не было изначально, не сложилась она и позже – не обнаруживается в «конечных» вариантах. Но вот что интересно, она и не могла сложиться. Завершенность всегда логична, а логика не корреспондирует с таинственностью, заданным магическим планом содержания. Интересно то, что сама автор, в общем-то не осознававшая себя писателем, говорит, как бы извиняясь за эту не структурированность: «Когда пишешь для себя, не ограниченная ни объемом, ни временем, ни мнением окружающих, получается почти нескончаемый сериал... Когда нужно собрать весь этот рыхлый материал во что-то целое, начинаешь выкидывать лишнее, оставляя (по возможности) то, что просто не в состоянии выбросить. Отсюда неизбежные дыры, провисание сюжета и оборванные сюжетные линии» [12].

Особую мистериальность придает повествованию многоплановость, авторская игра видимого и мнимого в духе именно магического реализма.

Дом в глазах обитателей Наружности (так домовцы называют мир за пределами стен) не более чем школа-интернат для детей-инвалидов. Сами жильцы не считают себя инвалидами. К жильцам окрестных многоэтажек Дом повернут непримечательной серой стороной с пустыми глазницами окон. Внутри же открывается совсем другая картина: все стены пестрят рисунками и надписями. Они регулярно закрашиваются работниками, но странным образом появляются заново. Внешне тихое здание внутри звенит множеством голосов. Здесь свои правила общежития, своя логика взаимоотношений.

Уже эти приведенные примеры показывают, как близок роман Петросян описаниям магического реализма А. Гугнина и других авторов, но это еще не все. Особую роль в магическом реализме, по мнению уважаемого ученого, играет поэтика первобытности, значительна она и в Доме.

То, что правила жизни в Доме напоминают первобытные отношения, заявлено уже на первых страницах романа. Здесь нет имен – обитатели оставляют их за порогом вместе со своим прошлым и получают клички. Кличка отражает индивидуальность характера, какую-то отличительную, основную черту. Человек, дающий кличку другому воспитаннику Дома, становится его «крестным». Воспитанники распределены на группы, которые они сами называют стаями. У каждой стаи свое название, свой вожак, своя территория, свои особенности. Большинство стай носят имена представителей животного мира – крысы, птицы, псы, фазаны, бандерлоги, а их членам присущи черты соответствующих животных. Так, фазаны напыщенны, из-за чего другие домовцы относятся к ним без симпатии; псы носят ошейники и готовы растерзать любого другого, стоящего на их пути; бандерлоги, точно как известные обезьянки Кипплинга, склонны к дебоширству и т.д.

Законы каждой стаи, многие весьма жестокие, непреложны, иные – закреплены письменно. Выше законов стаи только законы Дома. Например, когда Курильщик, один из главных героев книги, попадает из стаи Фазанов в Четвертую стаю, ему выдают свод правил для ознакомления. Например, в комнату Четвертой стаи запрещено приносить работающие часы и любые другие средства измерения времени. Большинство правил специфично, их побудительные мотивы неясны, они вытекают из специфичной домовской мифологии. Понятно, это мифология с позиции нормы Наружности, с позиции читателя, для домовцев – это что-то другое, связанное с чем-то сакральным.

Можно заметить, что некоторые из этих правил-законов напоминают кипплинговские «законы джунглей». При их неисполнении один вожак может убить другого и занять его место. Этим законам воспитанники следуют беспрекословно, остальные имеют для них меньшее значение.

Хронотопические отношения, также оговоренные в указанной выше теории, вполне соответствуют хронотопическим отношениям в созданном Петросян художественном мире. У Дома есть некая другая сторона, в определении воспитанников – Изнанка. Это своеобразная параллельная реальность, куда попадают лишь обладающие определенными способностями Прыгуны и Ходоки. Изнанка – мистико-сакральное пространство, раскрывающее сущность попадающего в него. Там своя физика, и время течет иначе. Все строение живет в силовом поле Изнанки, она как бы диктует и закольцовывает происходящие там события. Таким образом, Дом предстает чем-то вроде католического лимба, в котором пребывают души, не заслужившие ни ада, ни рая. Воспитанники, не желающие покидать Дом после выпуска, могут остаться в нем на следующий круг, сохраняя при этом свой предыдущий опыт и память, что отчасти отсылает нас к теории реинкарнации.

Заключение

Метод магического реализма прошел достаточно длительный путь формирования: от термина из сферы живописи и основного направления в латиноамериканской литературе до современных формально-содержательных

проявлений, представленных в XX веке такими авторами, как Милорад Павич («Хазарский словарь», 1984), Анатолий Ким («Белка», 1984), Джонатан Кэрролл («Кости луны», 1987), Таити Ямада («Лето с чужими», 1987) и т.д. (4). В литературе уже текущего столетия список магических реалистов пополнился такими именами, как Нил Гейман («Американские боги», 2001), Тим Пратт («Чайки», 2005), Чарльз Де Линт («Лезвие сна», 2005), Мелисса Марр («Жестокое милосердие», 2015) и др.

Учитывая основные характеристики и черты магического реализма, известные по теоретической литературе, есть все основания включить в ряд мастеров этого метода Мариам Петросян. В западном литературоведении, где магический реализм распространен значительно шире, по сравнению с Восточной Европой, это включение не вызывает сомнений. В известном британском издании *The Guardian* статья о книге Петросян имеет подзаголовок «a cult magical realist saga» [13]. Правда, причины именно такого определения в статье не объясняются.

Известно, в наше постмодернистское время нет «чистых» методов, и в романе «Дом, в котором...» можно обнаружить черты других творческих методов, но, думается, именно определение «магический реализм» наиболее полно охватывает все то, что входит в поэтику романа. Отметим также широкое разнообразие «подмигивающих» деталей, разнообразие немотивированного в представленных характерах, казусы поворотов сюжета и другое, свойственное магическому реализму.

При этом, несомненно, отображая этот странный Дом, странный уклад жизни в нем, странные отношения между жильцами, Мариам Петросян говорит о своем понимании действительной жизни, о должном и не должном в ней.

Примечания

- (1) О магическом реализме есть следующие публикации: *Гугнин А.А.* Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (феномен и некоторые пути его осмысления). М.: НИЦ славяно-германских исследований ИСЛ РАН, 1998; *Кофман А.Ф.* Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе // Современный роман: опыт исследования. М.: Наука, 1990; *Овчаренко О.* Магический реализм // Теория литературы. Литературный процесс. Т. 4. М., 2001; *Огнева Е.В.* К «новому латиноамериканскому роману» // Зарубежная литература XX века. М., 2000.
- (2) Мистический реализм и магический реализм понятия родственные, но не тождественные, литературоведами со всей определенностью не разведенные. В самом общем представлении: магический реализм – это мистический реализм, возведенный в степень.
- (3) Цит. по: *Гугнин А.А.* Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М., 1998. С. 26–28.
- (4) Для краткости обозначим лишь по одному наиболее значимому произведению каждого автора.

Список литературы

- [1] *Петросян М.* Дом, в котором... М.: Гаятри/Livebook, 2017. 960 с.
- [2] *Мильчан К.* Дом в котором Мариам Петросян // Русский репортер. 2010. № 24 (152). URL: https://rusrep.ru/2010/24/mariam_petrosyan/ (дата обращения: 23.06.2019).

- [3] *Быков Д.* Порог, за которым // GZT.RU. 2010. URL: <http://www.gzt.ru/topnews/culture/-porog-za-kotorym-/291098.html?from=copiedlink> (дата обращения: 12.12.2018).
- [4] *Лебедушкина О.П.* «Дом, в котором...» Мариам Петросян как «итоговый текст» десятилетия // Филологический класс. 2011. № 1 (25). С. 20–21.
- [5] *Красовская Н.В.* Магический реализм как способ реализации латиноамериканского концептуально-метафорического кода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 14–18.
- [6] *Гугнин А.А.* Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М., 1998. 120 с.
- [7] *Тертерян И.А.* Образы фольклора в современном реализме Бразилии и модернизм. М., 1964. 557 с.
- [8] *Peterson N.* Science Fiction and Fantasy: a Prelude to the Literature of Glasnost // *Slavic Review.* 1989. Vol. 48. No. 2. Pp. 254–268.
- [9] *Rougle C.* On the Fantastic Trend in Recent Soviet Prose // *The Slavic and East European Journal.* 1990. Vol. 34. No. 3. Pp. 308–321.
- [10] *Ким А.* Моя родина – русский язык // Дружба народов. 1996. № 4. С. 157–166.
- [11] *Ованян М.* «Дом, в котором...» – обретенная книга» (интервью с Мариам Петросян) // Портал Ереван.ру. 2011. URL: <http://yerevan.ru/2011/03/24/mariam-petrosyan-dom-v-kotorom-interview-and-drawings/> (дата обращения: 13.01.2019).
- [12] *Юзефович Г.* Мариам Петросян: «Новых книг от меня ждать не стоит...» // Частный корреспондент. 2010. URL: http://www.chaskor.ru/article/mariam_petrosyan_novyh_knig_ot_menya_zhdat_ne_stoit_15919 (дата обращения: 15.01.2019).
- [13] *Taplin Ph.* The Gray House by Mariam Petrosyan review – a cult magical realist saga // *The Guardian.* 2017. URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/may/13/the-gray-house-by-mariam-petrosyan-review> (дата обращения: 12.05.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 июля 2019

Дата принятия к печати: 20 июля 2019

Для цитирования:

Мескин В.А., Гайдаш Л.В. Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* Т. 24. № 3. С. 404–413. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-404-413>

Сведения об авторах:

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: vameskin@yandex.ru

Гайдаш Лада Владимировна, бакалавр филологического факультета Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: l.v.gaydash@gmail.com

“The Gray House” by Mariam Petrosyan in the context of the literary tradition of magical realism

Vladimir A. Meskin, Lada V. Gaidash

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

The paper deals with a comprehensive analysis of the formal and substantive components of Mariam Petrosyan's novel “The Gray House” (“The House in Which ...”). The publication of the novel in 2009 provoked extremely diverse criticism. The authors pay much attention to the artistic originality of the novel and substantiate that it can be classified among works written using the method of magical realism. At the beginning of the paper, the authors provide a review of the works devoted to the theoretical aspects of the method of magical realism. The article is based on the correlation between the “strange” (in the researchers' opinion) poetry of M. Petrosyan and the specifics of the above-mentioned method, the peculiarities of the “magical language”, taking into account critical publications about the novel. The analysis of the specifics of the plot, composition, the conflict and represented characters makes it possible to consider M. Petrosyan's work in the context of the above-mentioned literary tradition.

Keywords: Mariam Petrosyan; The Gray House; theory of literature; mystical realism; magical realism; image; myth; poetics

References

- [1] Petrosyan M. *Dom, v kotorom...* [*The Gray House*]. Moscow, 2017.
- [2] Milchin K. Dom, v kotorom Mariam Petrosyan [The House in Which Mariam Petrosyan] // *Russkii reporter*. 2010. No. 24(152). https://expert.ru/russian_reporter/2010/24/mariam_petrosyan/ (accessed: 23.06.2019).
- [3] Bykov D. Porog za kotorym [The Threshold behind Which] // *GZT.RU*. 2010. <http://www.gzt.ru/topnews/culture/-porog-za-kotorym-/291098.html?from=copiedlink> (accessed: 12.12.2018).
- [4] Lebyodushkina O.P. “The home where...” (“Dom, v kotorom...”) by Mariam Petrosyan as a concluding text of the decade // *Philological Class*. 2011. No. 1(25). Pp. 20–21.
- [5] Krasovskaya N.V. Magicheskii realizm kak sposob realizatsii latinoamerikanskogo kontseptualno-metaforicheskogo koda [Magical Realism as a Way to Implement the Latin American Conception-Metaphorical Code] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2009. Vol. 9. Iss. 2. Pp. 14–18.
- [6] Gugin A.A. *Magicheskii realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka: fenomen i nekotorye puti ego osmysleniya* [Magical Realism in the Context of Literature and Art of the 20th Century: A Phenomenon and Some Ways of its Comprehension]. Moscow, 1998. 120 p.
- [7] Terteryan I.A. *Obrazy folklorov v sovremennoy realizme Braziliy i modernizme* [Folklore Images in Brazil's Modern Realism and Modernism]. Moscow, 1964. 557 p.
- [8] Peterson N. Science Fiction and Fantasy: a Prelude to the Literature of Glasnost // *Slavic Review*. 1989. Vol. 48. No. 2. Pp. 254–268.

- [9] Rougle C. On the Fantastic Trend in Recent Soviet Prose // *The Slavic and East European Journal*. 1990. Vol. 34. No. 3. Pp. 308–321.
- [10] Kim A. Moya rodina – russkii yazyk [My Homeland Is the Russian Language] // *Druzhba narodov*. 1996. No. 4. Pp. 157–166.
- [11] Ovanyan M. “Dom, v kotorom...” – obretjonnaja kniga [“The Gray House” – a Found Book] // *Yerevan.ru*. 2011. <http://yerevan.ru/2011/03/24/mariam-petrosyan-dom-v-kotorom-interview-and-drawings/> (accessed: 13.01.2019).
- [12] Yuzefovich G. Mariam Petrosyan: “Novykh knig ot menya zhdat ne stoit...” [Mariam Petrosyan: “Do Not Expect New Books from Me...”] // *Chastnyi korrespondent*. 2010. http://www.chaskor.ru/article/mariam_petrosyan_novyh_knig_ot_menya_zhdat_ne_stoit_15919 (accessed: 15.01.2019).
- [13] Taplin Ph. The Gray House by Mariam Petrosyan Review – a Cult Magical Realist Saga // *The Guardian*. 2017. <https://www.theguardian.com/books/2017/may/13/the-gray-house-by-mariam-petrosyan-review> (accessed: 12.05.2018).

Article history:

Received: 10 July 2019

Revised: 18 July 2019

Accepted: July 20 2019

For citation:

Meskin V.A., Gaidash L.V. (2019). “The Gray House” by Mariam Petrosyan in the context of the literary tradition of magical realism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(3), 404–413. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-404-413>

Bio notes:

Vladimir A. Meskin, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Philology of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts*: e-mail: vameskin@yandex.ru

Lada V. Gaidash, bachelor of the Faculty of Philology of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts*: e-mail: l.v.gaydash@gmail.com